

На правах рукописи

СОКОЛОВ Александр Николаевич

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА МЕТОНИМИИ В ПО-
ЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А.С. ПУШКИНА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тюмень – 2004

Работа выполнена на кафедре английского языка в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Белозёрова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Лютикова Вера Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент
Погорелова Светлана Давидовна

Ведущая организация: Удмуртский государственный университет

Защита состоится 21 декабря 2004 г. в « » часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук при Тюменском государственном университете по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Тюменского государственного университета по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1.

Автореферат разослан « » ноября 2004 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Т.В. Сотникова

Реферируемая диссертация посвящена сопоставительному исследованию прагматических аспектов перевода метонимий в поэтическом дискурсе на материале переводов поэтических произведений А.С. Пушкина на английский язык.

Перевод является одной из древнейших отраслей лингвистики, интерес к которой не угасает и поныне. Поэтический перевод – одна из наиболее загадочных разновидностей перевода. Поскольку переводческая деятельность практикуется с незапамятных времён, с тех же самых пор предпринимались попытки её изучения и описания. Новые тенденции несут новые подходы, новые точки зрения.

Прагматика появилась в 60 – 70-е годы двадцатого века. Своим происхождением она обязана интенсивно развивающейся со второй половины XX века теории знака. Были разработаны новые учения и теории, на базе которых были пересмотрены и такие механизмы речи, как метонимия и метафора. При этом метафоре уделялось существенно больше внимания, метонимия же, как более глубокий механизм речи и, в рамках новых учений, мышления, до недавнего времени, была освещена в меньшей степени.

Актуальность сопоставительного исследования в поэтическом дискурсе продиктована следующими моментами:

Поэтический перевод является одним из наименее изученных и наиболее неоднозначных направлений современного переводоведения. На данный момент не существует регламентированных правил и единого мнения по поводу того, как следует правильно переводить поэзию.

Актуальность и постоянный прогресс в разработке теории концептуальной метонимии.

Значимость сопоставительного исследования вариантов перевода стихотворений А.С. Пушкина определяется возможностью выявить зависимость адекватности и эквивалентности перевода от передачи прагматического эффекта, содержащегося в метонимиях текста.

Объектом исследования в настоящей диссертации стало такое языковое явление, как метонимия, в рамках прагматики поэтического перевода.

В качестве **предмета исследования** рассматриваются закономерности перевода метонимий в поэтических текстах и их адекватного или неадекватного отражения на прагматике перевода поэтических произведений А.С. Пушкина на английский язык.

Материалом для исследования послужили стихотворения А.С. Пушкина и варианты их переводов. Всего проанализировано свыше 120 поэтических произведений, имеющих зачастую не по одному варианту перевода, из которых было выбрано пять, имеющих по три варианта перевода на английский язык. Для исследуемых текстов оригинала и вариантов перевода характерно высокое содержание метонимии, связанное с особенностями творческой манеры А.С. Пушкина.

Целью настоящей диссертации является выявление степени влияния метонимии на прагматику оригинала и на эквивалентность и адекватность перевода.

Постановка данной цели вызывает необходимость решения следующих **задач**:

- уточнение теоретических основ и методов исследования поэтической метонимии и метонимизации поэтического дискурса;
- выявление и сопоставительное описание метонимий в текстах;
- выявление влияния метонимии на прагматику оригинала и эквивалентность и адекватность перевода.

Методология настоящего исследования сложилась под воздействием теории метафорического моделирования, возникшей в Америке (М. Блэк, Д. Дэвидсон, Дж. Лакофф), и успешно развиваемой отечественными () и зарубежными (А. Барселона, Руиз де Мендоза и др.) филологами. Представленная работа также опирается на идеи и понятия, разработанные в рамках отечественной теории переводоведения (А. Паршин, А.В. Фёдоров, М.Л. Лозинский и др.), и прочие достижения лингвистики, связанные с изучением прагматики дискурса (Т. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова).

Многоаспектное изучение проблемы обусловило выбор разнообразных методов исследования. В работе применяются следующие **методы**: контекстуальный анализ, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей соответствующих языков и культур, параметровый метод, метод показателей и метод прагматической парадигмы, разработанный нами на базе изученного теоретического материала.

Теоретическая значимость диссертации заключается в исследовании прагматики перевода метонимии в поэтических текстах, в выявлении взаимосвязи между метонимией и прагматикой, а также в развитии методики определения адекватности передачи метонимизации поэтического дискурса при переводе. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории перевода, а также при сопоставительном исследовании лингвокультурных особенностей восприятия разнонациональных адресатов.

Научная новизна диссертации заключается в сопоставительном комплексном описании метонимий, актуализированных в поэтических произведениях А.С. Пушкина. В работе выявлены метонимии, свидетельствующие о метонимизации поэтического дискурса, а также проведен анализ.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования ее материалов в двуязычной практике, в практике преподавания иностранного языка, при подготовке специалистов по теории перевода и переводоведения.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английского языка ФРГФ и кафедры иностранных языков ФИиПН Тюменского государственного университета. Материалы диссертационного исследования частично использовались в практике преподавания курса английского языка студентам.

Основные теоретические положения излагались автором на региональных и общероссийских конференциях в г. Тюмени, г. Челябинске и на международной научной конференции в г. Альби (Франция). По теме диссертации автором

опубликованы 5 работ. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) При переводе метонимии без учёта её прагматической роли происходит искажение смысла, что приводит к неадекватности перевода;
- 2) Перевод с высоким коэффициентом точности не всегда является прагматически адекватным;
- 3) Достоверная передача метонимии в поэзии А.С.Пушкина обеспечивается передачей ключевых слов и выражений с исходного языка на переводящий.

Композиция диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, двух частей, заключения и библиографического раздела.

В первых трёх главах диссертации характеризуются особенности поэтического перевода и поэтической речи, даётся обзор основ прагматики, рассматриваются понятия метонимии и метафоры и различные подходы к теории метафоры и метонимии.

В четвёртой главе описывается значимость творчества А.С. Пушкина для русской литературы и обосновывается выбор его произведений в качестве материала исследования, а также произведен сопоставительный анализ оригиналов и трёх вариантов перевода для каждого на предмет адекватной передачи метонимий, от которой зависит прагматическая адекватность перевода.

В заключении делаются основные выводы по проведенному исследованию, намечаются перспективы дальнейшего сопоставительного исследования перевода метонимии в поэтических текстах и исследования зависимости адекватности перевода от пола переводчика.

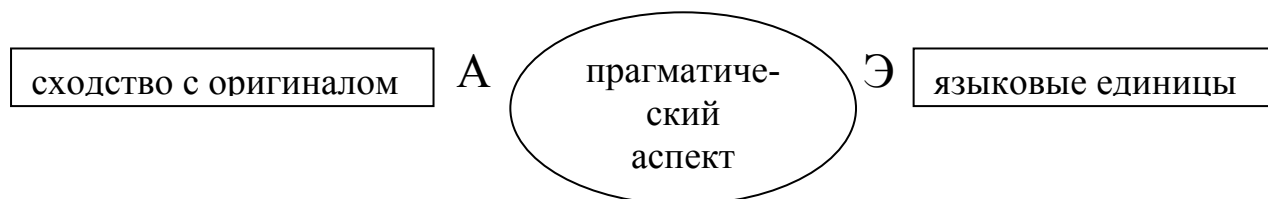
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе первой части речь идёт о поэтическом переводе как о подразделе перевода литературного, являющегося в свою очередь частью общей теории перевода. Перевод – область достаточно исследованная, и вместе тем – безграничное поле деятельности для исследователя. Перевод изучался многими отечественными и зарубежными лингвистами, такими, как И.С. Алексеева, Х. Брано, Г.Р. Гачечиладзе, С. Гончаренко, Вяч. Иванов, И.А. Кашкин, В.Н. Комиссаров, В.В. Коптилов, М.Л. Лозинский, Э. Озерс, А. Паршин, А. Попович, А. Сандауэр, А.В. Фёдоров и др.

Поэтический перевод отличается от перевода прозы только материалом – особо организованным поэтическим текстом, построенным в соответствии с рядом присущих поэзии признаков: рифмой, ритмом, размером и др., причём вышеперечисленные признаки существенно ограничивают свободу переводчика, помещая его в жёсткие рамки зачастую весьма специфического слога. Помимо внешних формально-структурных признаков, следует учитывать наличие фактуального, фонового, прагматического уровней информации, которые также должны быть переданы, при этом неизбежна утрата некоторых элементов и появление новых.

Существует тесная взаимная связь между адекватностью и эквивалентностью. Адекватность перевода напрямую зависит от сохранения прагматики оригинала. Лексическая точность способствует сохранению прагматики.

В целом же, схема отношений между адекватностью и эквивалентностью могла бы выглядеть следующим образом:

Как мы видим, оба эти понятия являются синонимами, когда речь идёт о прагматическом аспекте, или эффекте, производимом на адресата.

Из всего многообразия проблем, связанных с анализом отношений между оригиналом и переводом, в нашей работе рассматриваются следующие: прагматика поэтического текста и её отражение в переводе, отношения между метонимией и прагматическим аспектом, выяснение зависимости передачи прагматики поэтического текста от передачи метонимии.

При характеристике прагматики художественных текстов необходимо различать, с одной стороны, прагматику лексем и предложений, а с другой – прагматику текста, в нашем случае – прагматику стихотворных текстов, сравнительно небольших по своему объёму.

Прагматика текста образуется сочетанием прагматических значений, свойственных языковым единицам, входящим в состав данного текста. Но прагматика текста зависит также и от того, как сочетаются между собой прагматические значения разных языковых единиц данного текста и как они соотносятся с контекстом, с пресуппозицией.

Прагматика, как и семантика, многозначна независимо от того, на какой лингвистической базе она возникла – лексемы, предложения или текста. Поэтому в разных переводах один и тот же материал получает разное воплощение.

Прагматика изучает отношение знаков к тем, кто ими пользуется, центральными категориями современной прагматики являются категории субъекта и адресата, причём субъект пользуется информацией о системе знаний адресата, чтобы вызвать у последнего ту или иную реакцию при порождении речевого акта, основными чертами которого являются: намеренность, целеустремлённость и конвенциональность. Художественный текст можно сравнить с речевым актом; но функции адресата повседневной речи и адресата художественного произведения не совпадают. Способность текста производить прагматическое воздействие на адресата называется прагматическим аспектом, и, если прагматический аспект передан при переводе, текст считается прагматически адекватным.

Из рассмотренных нами положений мы считаем возможным выделить следующие постулаты для определения прагматических аспектов перевода метонимии:

А) существование пропозиции как акта говорения;

- Б) существование категории субъекта и адресата;
- В) наличие тождественности между речевым актом и художественным текстом;
- Г) намеренность, целеустремлённость и конвенциональность речевого акта;
- Д) сознательное или подсознательное изменение референта переводчиком;
- Е) адекватность перевода зависит от передачи прагматического аспекта.

В главе третьей первой части метонимия рассматривается как языковое явление, в соответствии с различными теориями.

Метонимия – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию.

Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и её отражению в человеческом сознании, закреплённым значениями слов, - между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т.п.

Поскольку авторы утверждают, что метонимия – механизм речи, её движущая сила, основанная на игре ассоциаций, связывающей, как правило, два объекта, вернее, их значения, можно сказать, что такой механизм имеет огромный потенциал порождения ассоциаций, межобъектных связей, образованных по присущим этому механизму законам и правилам. Следовательно, метонимией можно назвать не только механизм речи, но и результат его работы.

По продуктивности метонимия уступает только метафоре (от греч. *metaphora* – перенос) – тропу или механизму речи, состоящему в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширенном смысле термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении

Крупным событием в конце XX века стало оформление когнитивной лингвистики в самостоятельную дисциплину, получившую впоследствии большое распространение, как в нашей стране, так и за рубежом (Дж. Лакофф, Ф. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, Т.Г. Скребцова). Когнитивная лингвистика является одним из направлений в рамках дисциплин когнитивного цикла, в основе которой лежит переход к глубинному знанию, базирующийся на изучении предметно-познавательной деятельности людей, процессов восприятия, мышления, репрезентированных и систематизированных определенным образом в нашем сознании (ментальных структурах).

В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как общий когнитивный механизм, когнитивная составляющая той инфраструктуры мозга, которая отвечает за языковые проявления человеческого мышления. Именно язык открывает доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания. Иными словами, когнитивная лингвистика ставит в центр внимания те аспекты структуры и функционирования языка, которые связаны с

усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем мире.

Одной из ключевых в когнитивной лингвистике является проблема классификации и категоризации окружающей действительности посредством языка, причем систематизация познавательного процесса должна максимально отражать реально существующие связи и закономерности материального мира в тесной связи с бытием человека, т. е. представлять всю совокупность его социальных, биологических, психических характеристик в деятельностном аспекте. Немаловажным является и то, что язык отражает не сам мир, а когнитивную деятельность человека в нем, классифицирует его опыт. Когнитивистика, расширяя границы лингвистического описания, постулирует непосредственное участие слова в создании и разработке мысли, на которое ложится основная нагрузка упорядочивания элементов окружающей действительности.

В процессе получения и осмысления нового знания, человек выходит за рамки того, что опосредовано его опытом, прибегает к языку образов. Одним из главных средств, с помощью которых происходит концептуализация окружающей действительности, является метафора. Несмотря на многовековую историю изучения метафоры, данное явление продолжает вызывать споры, т. к. не существует однозначной оценки его статуса в системе языка. В основе данного диссертационного исследования лежит подход к пониманию метафоры с позиций когнитивной лингвистики, трактующий ее как когнитивный процесс, ментальную операцию, формирующую новые понятия, без которой невозможна концептуализация бытия человека.

Отправной точкой в изучении метафоры, положившей начало автономному направлению внутри когнитивной лингвистики, стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors We Live by*” («Метафоры, которыми мы живем»), изданная в 1980 году. Русский перевод этой монографии появился в 1990 году.

В когнитивной лингвистике метафора и метонимия не считаются тропами образного языка, но когнитивными механизмами, используемыми для логических операций и суждения о мире и его понимания. Такие когнитивные операции осуществляются посредством концептуальных переносов знания из понятийного поля источника в понятийное поле цели и существенны для формирования и понимания концепта.

Вразрез с общепринятой теорией, Спербер (Sperber) и Уилсон (Wilson) [цит. по Руиз де Мендоза, Перез Эрнандес, 2001: 24] заявляют, что некоторые случаи, обычно считаемые импликатурами, на самом деле случаи эксплицитного значения, которые они называют экспликатурами. Умозаключение эксплицитно, если оно является развитием логической формы, закодированной в высказывании. Логическая форма, в свою очередь «хорошо составленная формула, структурированный набор составляющих, который подвергается формальным логическим операциям, обусловленным его структурой» (a well-formed formula, a structured set of components, which undergoes formal logical operations determined by its structure [Sperber&Wilson 1995: 72]). Когда логическая форма семантически завершена и потому способна быть истиной или ложью, она становится пропозицией. Незавершённые логические формы хранятся в понятий-

ной памяти как предположительные схемы (assumption schemas), которые могут быть завершены исходя из контекстуальной информации. Поскольку такая процедура – логическая операция (что превосходит обычное декодирование), изучение того, как логическая форма высказывания становится экспликатурой, – задача прагматики.

Как уже говорилось, в рамках когнитивной лингвистики метонимия рассматривается как общепринятый концептуальный перенос в пределах одной и той же понятийной области. Например:

а) *Наполеон проиграл при Ватерлоо.*

б) *Слышали, Терминатор попал в аварию и повредил спину.*

В первом примере не собственно Наполеон, но армия под его командованием потерпела поражение. Во втором примере не фантастический персонаж Терминатор, а актер Арнольд Шварценеггер, повредил спину. В первом случае метонимия позволяет избежать пространного описания, которое было бы сложнее обработать; метонимия также позволяет подчеркнуть роль, сыгранную Наполеоном в данном поражении. Вся эта информация – часть экспликуратуры, образованной посредством метонимического переноса, потому что тот факт, что Наполеон организовал армию, с которой он завоевал Бельгию, но был позже разгромлен англичанами при Ватерлоо, является частью нашего знания.

Во втором случае метонимия заменяет длинное пояснение «Арнольд Шварценеггер, актер, сыгравший Терминатора». Несмотря на схожесть метонимического переноса в обоих примерах, метонимии различаются по двум причинам.

Во-первых, первый пример содержит метонимию, в которой область цели (армия) является частью области источника (Наполеон), в то время как в метонимии второго примера источник (Терминатор) является частью цели (Арнольд Шварценеггер, актер). Случаи употребления метонимии, аналогичные первому примеру, можно назвать метонимиями «цель в источнике», с другой стороны, второй пример демонстрирует нам метонимию «источник в цели». Следует добавить, что области, будь то источник или цель, являющиеся областями переноса, называются матричными областями, либо областями-матрицами (matrix domains). Когда же обе области одинаково доступны для внутреннего переноса, область-матрицу выделяют по ряду принципов (human over non-human; container over content; controlling over controlled).

Во-вторых, разница между двумя типами отношений «область-часть» имеет коммуникативные последствия, выраженные в образованных от них экспликуратурах. Так, метонимии наподобие метонимии из первого примера позволяют говорящему сосредоточить внимание на области источника как наиболее релевантной, избегая при этом неэкономичного описания. С другой стороны, метонимии как во втором примере позволяют говорящему выдвинуть на первый план когнитивно более важную часть области-матрицы, с соответствующим логическим эффектом. Так, часть нашего знания о Терминаторе (его сверхъестественной силе и прочности) делает утверждение довольно шокирующим в плане информации, которое оно содержит. Не только грустно, но и иронично, что «стальной человек» повредил спину.

Следствием того, что в метонимиях существует отношение «область-часть», является наличие только переноса с одним соответствием (one-correspondence mapping). Такое отношение обеспечивает только два вида концептуальных операций: выделение части источника (первый пример) и распространение источника в более широкую концептуальную структуру. Имея лишь одно соответствие, метонимии позволяют образовывать только одну экспликатуру.

Тем не менее, иногда метонимические переносы имеют более сложную структуру:

- a) *Я люблю Пикассо (I love Picasso.)*
- b) *У меня Пикассо в зале (I have a Picasso in a living room.)*
- c) *Представляете, он использует Пикассо в качестве книгодержателя (Can you imagine? He is using Picasso as a bookend.)*

На первый взгляд, *Пикассо* из а) замещает «Полотно работы Пикассо», но, как и в примере про Наполеона, концептуальная структура области-матрицы «Пикассо» некоторым образом присутствует в экспликатуре, образованной метонимическим переносом. Следовательно, пример а) сообщает не только то, что говорящему очень нравятся работы Пикассо, но также что для этого существует какая-то причина, которую нам предстоит найти в нашем знании о Пикассо (например, говорящий может быть поражён стилем Пикассо, его владением цветом и т.д.). Несколько иная ситуация в примере b). Здесь Пикассо замещает «отдельный образец своего творчества». То есть, «У меня есть Пикассо» можно перефразировать как «У меня есть некое полотно Пикассо». Чтобы прийти к этому значению, нам требуется двойная метонимическая операция от Пикассо до его работ и от его работ до какого-то отдельного (уникального) полотна.

Ситуация представлена на Рисунке 1.

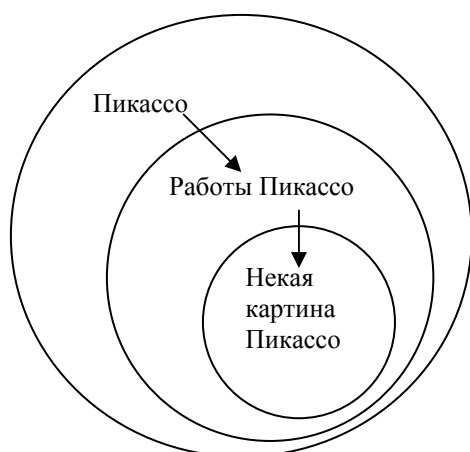

Рисунок 1. Двойная метонимия: автор вместо работы вместо (уникального) образца.

Пример b) представляет две операции выделения и две области-матрицы. Таким образом, некая информация о Пикассо, также как и информация о его работах привносится в интерпретационный процесс, отсекая все иные смыслы,

не связанные с его творчеством. Пример b) противопоставляется примеру c), где Пикассо может проецироваться, к примеру, на небольшой бюст или статуэтку, изображающую самого Пикассо, как результат одиночного метонимического переноса. Следует также отметить различие интерпретаций на уровне грамматики: наличие и отсутствие неопределённого артикля.

Другая форма двойного метонимического переноса иллюстрируется следующим примером:

Пушкин стоит на верхней полке.

В этом предложении *Пушкин* замещает книгу или книги, содержащие его произведения. С другой стороны, это может быть и бюст, и статуэтка А.С. Пушкина. Если вторая интерпретация предполагает только один метонимический сдвиг, то первая подразумевает двойной метонимический перенос в форме «автор вместо работы вместо (не уникального) образца». Такая форма двойного метонимического переноса отражена на Рисунке 2.

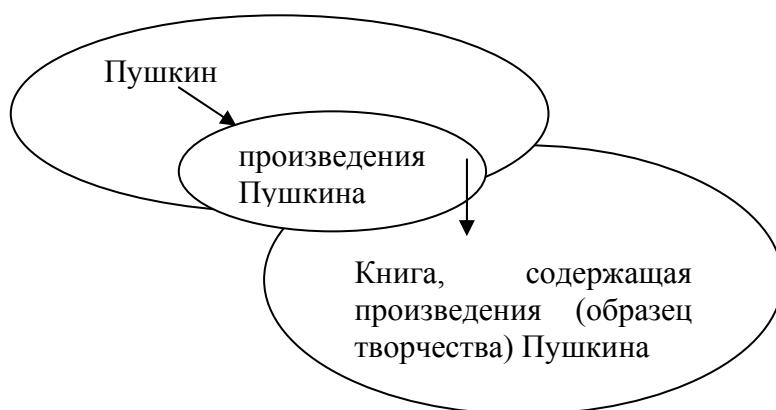

Рисунок 2. Двойная метонимия: автор вместо работы вместо (не уникального) образца.

Такой перенос содержит одну операцию выделения и две области-матрицы, одна из которых задействует концептуальное расширение. При первом переносе с Пушкина на его произведения импортируется соответствующая структура из нашего знания об А.С. Пушкине (манера его письма, выбор тем и т.д.). Однако, наличие второго переноса со сдвигом в области-матрице нейтрализует коммуникативный импорт предыдущей операции. Второй перенос с произведений Пушкина на формат, в котором они представлены (обычно одна или несколько книг), позволяет нам идентифицировать референта более экономным способом, в то же время сохраняя концептуальную релевантность источника таким образом, что содержание материальной формы (скорее книги, чем какого-либо ещё информационного носителя) не только важно, но и превалирует.

Понятие концептуального взаимодействия между метафорой и метонимией было разработано Луи Гусенсом [Goossens 1990]. В широком смысле, он выделяет три типа взаимодействия: метафора из метонимии, метонимия в рамках метафоры и метафора в рамках метонимии.

Первый тип концептуального взаимодействия иллюстрируется образным использованием глагола «аплодировать», означающее «активно выразить согласие с человеком, идеей и т.д.»:

Этим переменам будут аплодировать (These changes will be applauded).

Интерпретация примера выделяет метонимический перенос с глагола «аплодировать» на «выражать согласие посредством (действительных) аплодисментов. Такое метонимическое расширение значения глагола «аплодировать» для выражения согласия может впоследствии быть использовано в случаях, когда действительные аплодисменты отсутствуют.

Второй тип взаимодействия, метонимия в рамках метафоры, проиллюстрирована следующим примером:

Я бы скорее прикусил язык (I could bite my tongue).

Пример содержит метонимический перенос с «языка» на способность говорить в целом. Образное действие прикусывания чьего-либо языка проецируется на действительное лингвистическое действие лишения кого-либо способности говорить.

Примером третьего типа взаимодействия послужит следующее выражение:

Встать на задние лапы (Get up on one's hind legs).

В интерпретации автора едва ли говорится о человеке, который поднимается на ноги и выступает перед аудиторией; добавление термина «задние (hind)» вынуждает пересмотреть интерпретацию и увидеть поднимающееся на задние лапы животное, что требует от него значительно больших усилий.

Однако, Руиз де Мендоза и Перез Эрнандес [Руиз де Мендоза, Перез Эрнандес 2001: 41] рассматривают первые два примера концептуальных взаимодействий Гуссенса как метонимические расширения метафорического источника. Разница лишь в том, что аплодисменты как знак согласия необязательно образное действие, в то время как прикусить язык, чтобы воздержаться от говорения имеет большую степень образности (человеку необязательно прикусывать язык, чтобы не проговориться). Так или иначе, разница лишь в степени образности, что не влияет на природу когнитивного взаимодействия.

Рисунки 3 и 4 позволят понять суть вышеописанной операции.

Третий пример Гуссенса – метафора в рамках метонимии – также подвергается сомнению. Без сомнения, удаление метафорически интерпретируемого элемента «задние» лишает высказывание смысла. Однако же, «встать на задние лапы/ноги» в целом рисует нам четвероногое, например, лошадь, вставшую на дыбы (возможно, напуганную), чтобы атаковать. Данная сцена переносится на ситуацию-цель, в которой человек встаёт на ноги, решив выступить публично. Поскольку лингвистическое выражение подчеркивает концептуальный материал, необходимый для создания понятийной области источника данной метафоры, не следует рассматривать когнитивную операцию как одно из метонимических развитий метафорического источника, как в предыдущих двух случаях. Ситуация будет отображена на рисунке 5.

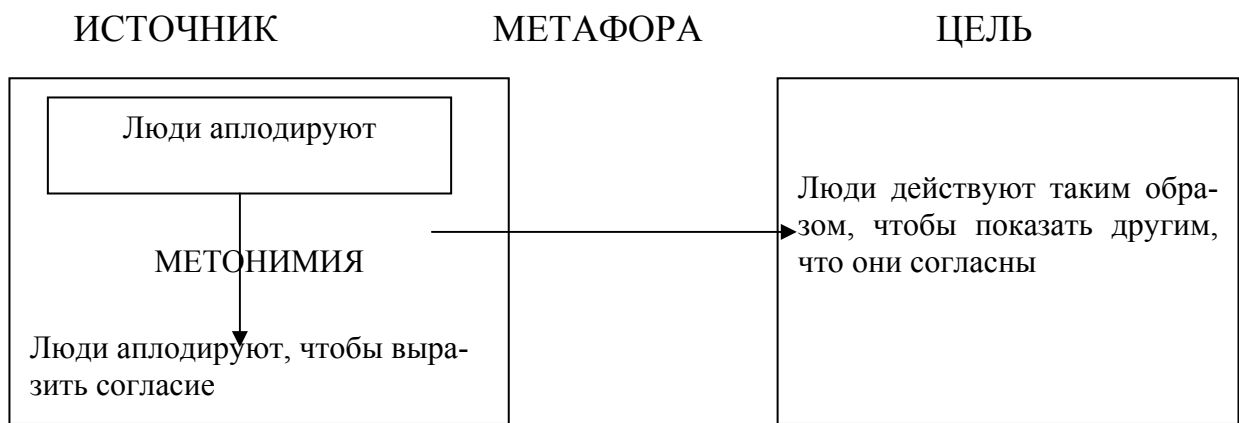

Рисунок 3. Метонимическое расширение метафорического источника в примере «Этим переменам будут аплодировать».

Рисунок 4. Метонимическое расширение метафорического источника в примере «Я бы скорее прикусил язык».

Рисунок 5. Метонимическое развитие метафорического источника в примере «Встать на задние лапы».

Три вышеуказанных примера иллюстрируют только один вид взаимодействий – метонимическое развитие метафорического источника. Существуют и другие виды взаимодействий, однако мы не будем на них останавливаться, так как данные примеры необходимы нам для последующего описания полученного нами **метода прагматической парадигмы**.

В заключение необходимо заметить, что в любом случае взаимодействия метонимия играет второстепенную роль, поскольку процесс взаимодействия проходит на метафорической основе.

Модели прагматического анализа, пример которого мы можем найти у Руиза де Мендозы, выглядят и являются весьма убедительными. Однако, попытавшись самостоятельно построить подобные модели применительно к поэтическому тексту, мы пришли к выводу, что данный метод:

- 1) пригоден лишь для рассмотрения отдельных фраз;
- 2) ввиду узости применения нуждается в переработке и адаптации к конкретному произведению;
- 3) нуждается в новом названии, которое отражало бы его новую суть: сочетание анализа концептуальных метонимий, метафор и их сращений, интерпретации текста, установления причинно-следственных связей и развития сюжетных линий.

В обновлённом виде анализ можно представить как своеобразную блок-схему, отображающую развитие сюжета посредством метонимических и метафорических переносов, а также их сращений.

Сразу же условимся, что горизонтальное расположение “источник” – “цель” будет обозначать метафору, а вертикальное – метонимию. Также, чтобы не усложнять структуру анализа, будем рассматривать синекдоху (метонимия наоборот) как подвид метонимии. Семантическое поле будет обозначаться овалом, объекты, принадлежащие одновременно двум полям – одно/двусторонней объёмной стрелкой. Для проверки текста на адекватность передачи метонимии необходимо заменить русские словосочетания и слова, содержащие, по нашему мнению, метонимии, на английские аналоги. Степень полноты сохранения взаимных внутритекстовых связей будет являться показателем адекватности.

Осуществляя анализ, мы вынуждены были перечеркнуть нереализованные компоненты оригинала, избыточную информацию, не соответствующую действительности, и выделить пунктиром избыточную, но не искажающую смысл, информацию.

Рассмотрим стихотворение «Арион», которое само по себе является фигурой речи, распознать которую сумеет лишь читатель, знающий предысторию данного произведения. Стихотворение было написано 16 июля 1827 г. и увидело свет 30 июля 1830 г. в № 43 «Литературной газеты». Пушкин далеко отступил от традиционной формы мифа об Арионе, чудесно спасённом дельфином. Имя Ариона понадобилось ему, чтобы прикрыть истинный смысл стихотворения, рисующего судьбу друзей-декабристов и самого поэта. Если не знать этого, создаётся впечатление, что речь идёт о персонаже, способном приспособ-

биться к любым жизненным условиям, который сумеет не пропасть в любой ситуации.

Таблица 1.

<p style="text-align: center;"><i>Arion</i></p> <p><i>A lot of us were on the bark: Some framed a sail for windy weather, The others strongly and together Moved oars. In silence sunk, Keeping a rudder, strong and clever, The skipper drove the heavy skiff; And I -- with careless belief -- I sang for sailors... . But the stiff Whirl smashed at once the waters' favor... All dead -- the captain and his guard! -- But I, the enigmatic bard, Was thrown to the shore alone. I sing the former anthems, yet, And dry my mantle, torn and wet, In beams of sun under a stone. Translated by Yevgeny Bonver, March, 1997 Edited by Dmitry Karshedt, December, 1999</i></p>	<p><i>Arion</i></p> <p><i>We sailed in numerous company. A few of us drew fast the sheeting, The rest with mighty oar were beating The brine; while, calm on slumbrous sea, Our skillful helmsman clasped the rudder To guide the vessel's thrust, And I, at ease in carefree trust, I sang to them... A sudden gust Swept down and set the deep ashudder, And crew and helmsman, all were lost!-- I only, secret singer, tossed Upon the coast by seas in torment, I sing my anthems as before, And by a boulder on the shore Dry in the sun my sodden garment. D.M. Thomas</i></p>
<p><i>Arion</i></p> <p><i>We many were who filled the boat: Some held the sails aloft and flying, Some plied the oars, and thus, defying, The wayward winds, kept us afloat. Our helmsman steered the vessel, loaded Full as she was, and onward sent; And I, to them I sang, content And unconcerned... A violent Gale overtook the boat and goaded The seas to fury... All were lost But I who out the deep was tossed By surging waves; my body flinging On to the sands, they fled... Now I Sit drying in the sun and my Old, well loved songs in relish singing. (Irina Zheleznova)</i></p>	<p><i>Арион</i></p> <p><i>Нас было много на челне; Иные парус напрягали, Другие дружно упирали В глубь мощны веслы. В тишине На руль склонясь, наш кормщик умный В молчанье правил грузный челн; А я – беспечной веры полн, – Пловцам я пел... Вдруг лоно волн Измял с налёту вихорь шумный... Погиб и кормщик и пловец! – Лишь я, таинственный певец, На берег выброшен грозною, Я гимны прежние пою И ризу влажную мою Сушу на солнце под скалою. (1927)</i></p>

Комментарий: Вначале описывается мирный процесс мореплавания «на челне» большого количества людей («Нас было много», «грузный челн»): «парус напрягали», «упирали... мощны веслы», «кормщик... правил». Мореплавание сопровождалось пением Ариона, от имени которого производится повествование. Присутствие певца оправдано – он развлекал мореходов, скрашивал их монотонные будни. В те времена на каждом судне был свой «штатный» певец, о чём можно судить по древнегреческим мифам.

Употребление слова «челн» вместо «корабль», «судно» – метонимия.

По Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля, «Челнь м. челнокъ, – ... лодочка-однодеревка, долбушка...; челны бывают и съ

насадом, набоями, и это дубы, каюки, стар. струги и т. п. ...» [Даль т.4 1995: 587]. Как мы видим, под словом «челн» следует понимать либо сравнительно небольшую лодку-долблѣнку, либо небольшое судно, состоящее из каркаса с нашитыми на него досками. Последний вариант (струг) мог нести примитивный парус, но являлся речным судном водоизмещением в десять тысяч пудов (около 160 тонн). Вряд ли кто-либо отважился бы выйти на таком плавательном средстве в открытое море.

Затем, ровно посередине стихотворения, ситуация кардинально меняется: «*Вихорь шумный*» убивает и кормщика, и пловца, а певец спасается.

Фраза «*погиб и кормщик и пловец*» – синекдоха, кормщик и пловец – часть экипажа, но адресату понятно, что погибли все, а не только эти двое. «*Пловец*» – иносказание для «моряк». Автор намеренно уходит от конкретного названия гребцов и управляющих парусами. На вёслах у греков сидели, как правило, рабы, а, поскольку стихотворение, пусть иносказательно, повествует о декабристах, которые боролись, в том числе и против крепостничества, то такая детализация в данном случае идеологически неуместна. Гребцы – всего лишь *другие*. Из древних народов рабов в качестве гребцов не признавали скандинавы – викинги, ведь если человек делает что-то не по своей воле, на него нельзя положиться. При необходимости викинги садились на весла сами, нимало этим не гнушаясь.

Следующую метонимию мы можем проследить в словосочетании «*на берег выброшен грозюю*». Непосредственно гроза – атмосферное явление, сопровождаемое громом и электрическим разрядом – молнией. На берег гроза выбросить человека не может. Даже если допустить возможность физического контакта объекта с наиболее материальным компонентом грозы – молнией, такой контакт может повлечь за собой либо немедленную смерть, либо потерю сознания, в результате чего объект утонет. Если же через грозу – часть шторма, каковой она и является, реализуется сам шторм, то вынесение тела на какую-либо сушу вполне возможно.

Две последние метонимии связаны с семантическим полем «религия»: «*гимны*» и «*риза*». Арион не был священнослужителем, риза же является верхним одеянием священников христианской церкви [Даль 1995]. Здесь мы наблюдаем ещё одно отступление от древнегреческого мифа – христианская церковь появилась гораздо позже цивилизации, создавшей миф об Арионе. Под ризой подразумевается любое долгополое верхнее одеяние. Слово «*гимн*» эпохи А.С. Пушкина имело гораздо более широкий спектр значений, нежели оно имеет сейчас (гимн государственный, национальный, гимн военный, религиозный). «Гимн – хвалебная песнь, хвала и прославление, в стихах или в музыке, песнопением» [Даль 1995, т. 1: 351]. Естественно, Арион пел хвалебные песни богам, которые не дали ему погибнуть.

Сопоставление схемы 1 (см. стр. 18) со схемами 1.1, 1.2 и 1.3 (стр. 19 – 21) должно подтвердить имеющуюся информацию.

Схема 1.1 (см. стр. 19) демонстрирует полную неадекватность перевода, свидетельством чему служат пять случаев не отражения метонимических и

один случай не отражения метафорической связей, а также добавление избыточного компонента синекдохи.

Схема 1.2 (см. стр. 20) отличается от предыдущей отсутствием избыточного добавления.

Схема 1.3 (см. стр. 21) позволяет выяснить наличие четырёх случаев, когда не передана метонимическая связь, два случая, когда не передана метафорическая связь и по одному случаю опущения компонентов синекдохи и метонимии.

Данная методика позволяет нам выявить самый неадекватный с прагматической точки зрения вариант перевода метонимий и метонимических сращений.

Гаспаров М.Л. [Гаспаров 2001] предлагает метод определения меры точности через подстрочник. Несмотря на то, что, с подстрочников переводили и переводят, теоретических наблюдений над этой практикой почти нет.

Способ измерения точности заключается в подсчёте количества знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), сохранённых, изменённых или опущенных-добавленных в переводе по сравнению с подстрочником. Выделяются четыре типа пословного соответствия между подстрочником и переводом:

- а) точное воспроизведение слова из подстрочника;
- б) замена слова из подстрочника однокоренным синонимом;
- в) замена слова из подстрочника разнокоренным синонимом;
- г) опущение слова из подстрочника или добавление слов, которых не было в подстрочнике.

По результатам измерения легко вывести два показателя, которые могут характеризовать перевод в целом: показатель точности – доля точно воспроизведённых слов от общего числа слов подстрочника; и показатель вольности – доля произвольно добавленных слов от общего числа слов перевода (и то и другое – в процентах).

Составив подстрочник, сразу же следует отметить: пушкинское слово с его «бездной смысла» зачастую может иметь различные и довольно неоднозначные трактовки при переводе, в нашем случае, на английский язык.

Первым шагом является подсчёт знаменательных слов – существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, наречий и числительных.

Второй шаг – сопоставление подстрочника с вариантами перевода, при этом выделяются четыре типа пословного соответствия между подстрочником и переводом:

- а) точное воспроизведение слова из подстрочника;
- б) замена слова из подстрочника однокоренным синонимом;
- в) замена слова из подстрочника разнокоренным синонимом;
- г) опущение слова из подстрочника или добавление слов, которых не было в подстрочнике.

Схема 1. «Арион».

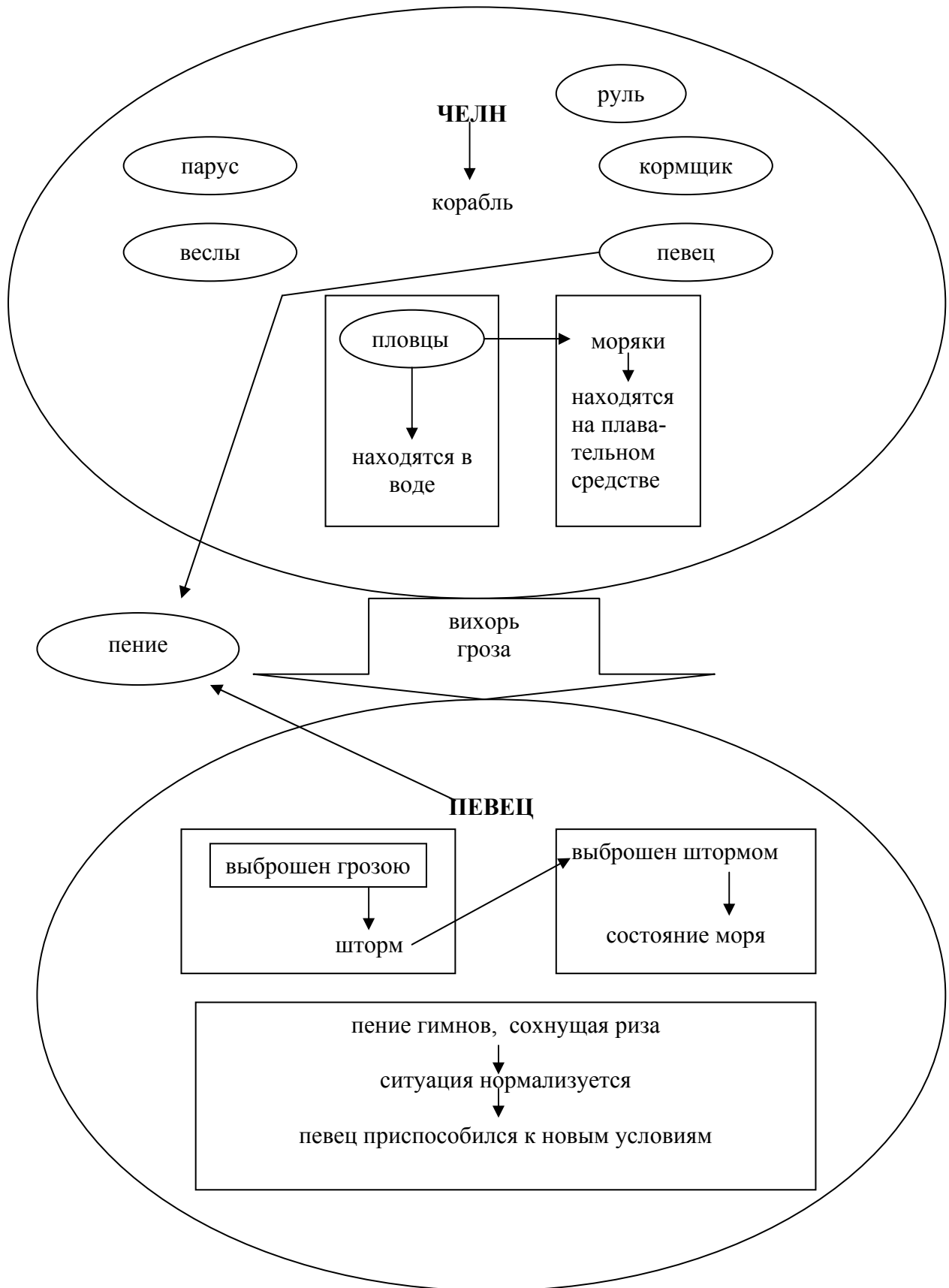

Схема 1.1 «Арион» в переводе Е. Бонвера.

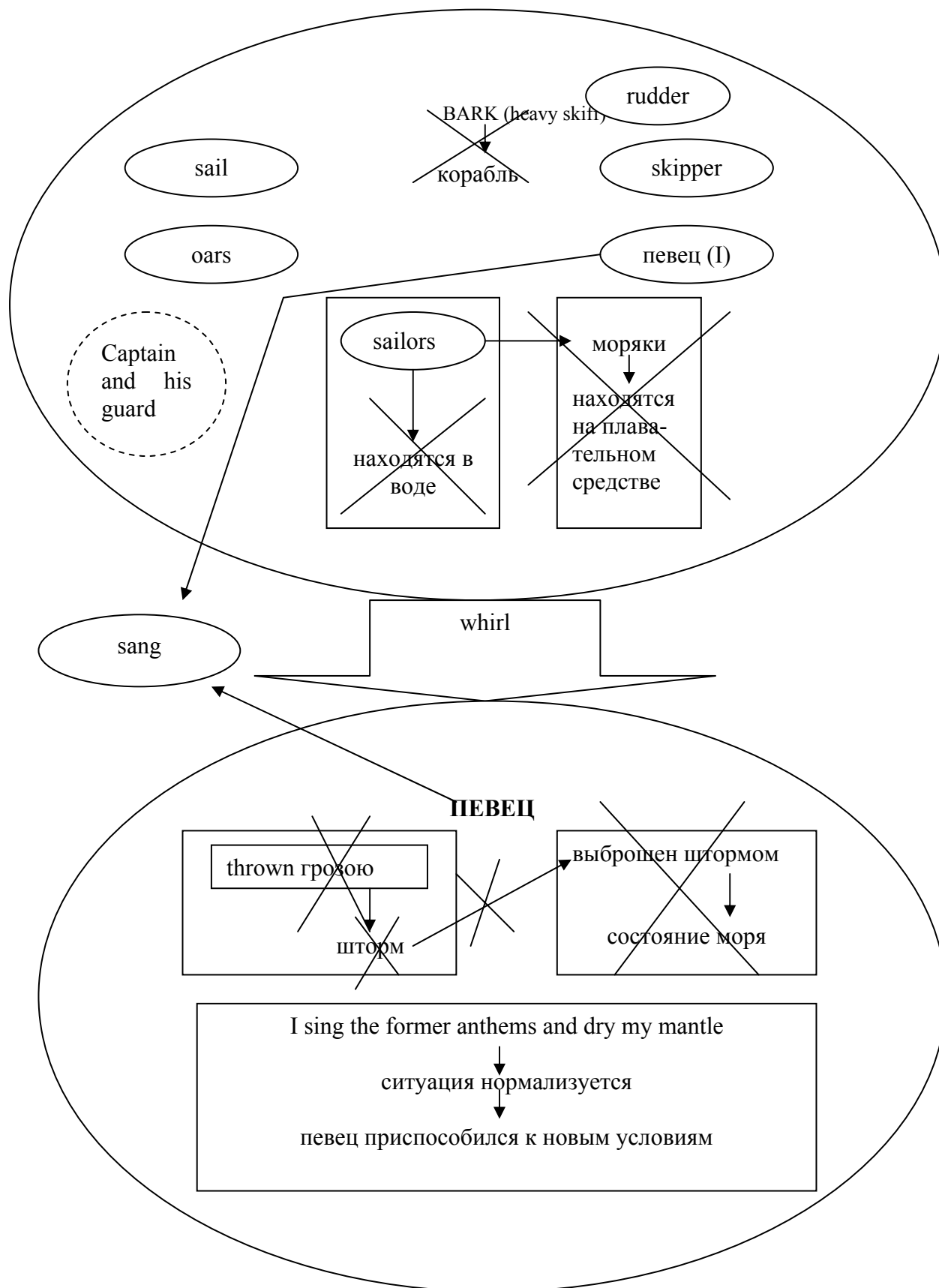

Схема 1.2 «Арион» в переводе D.M. Thomas.

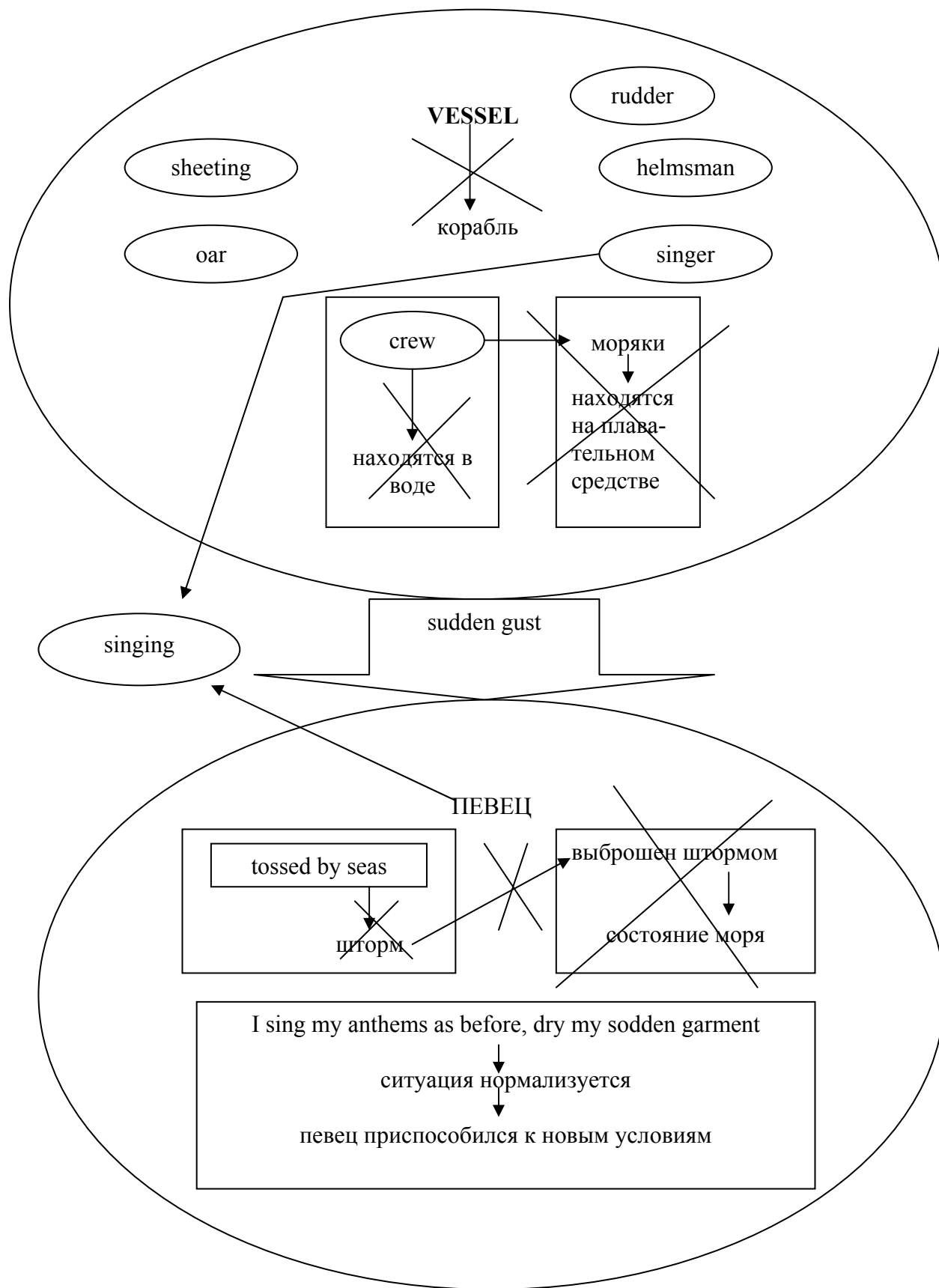
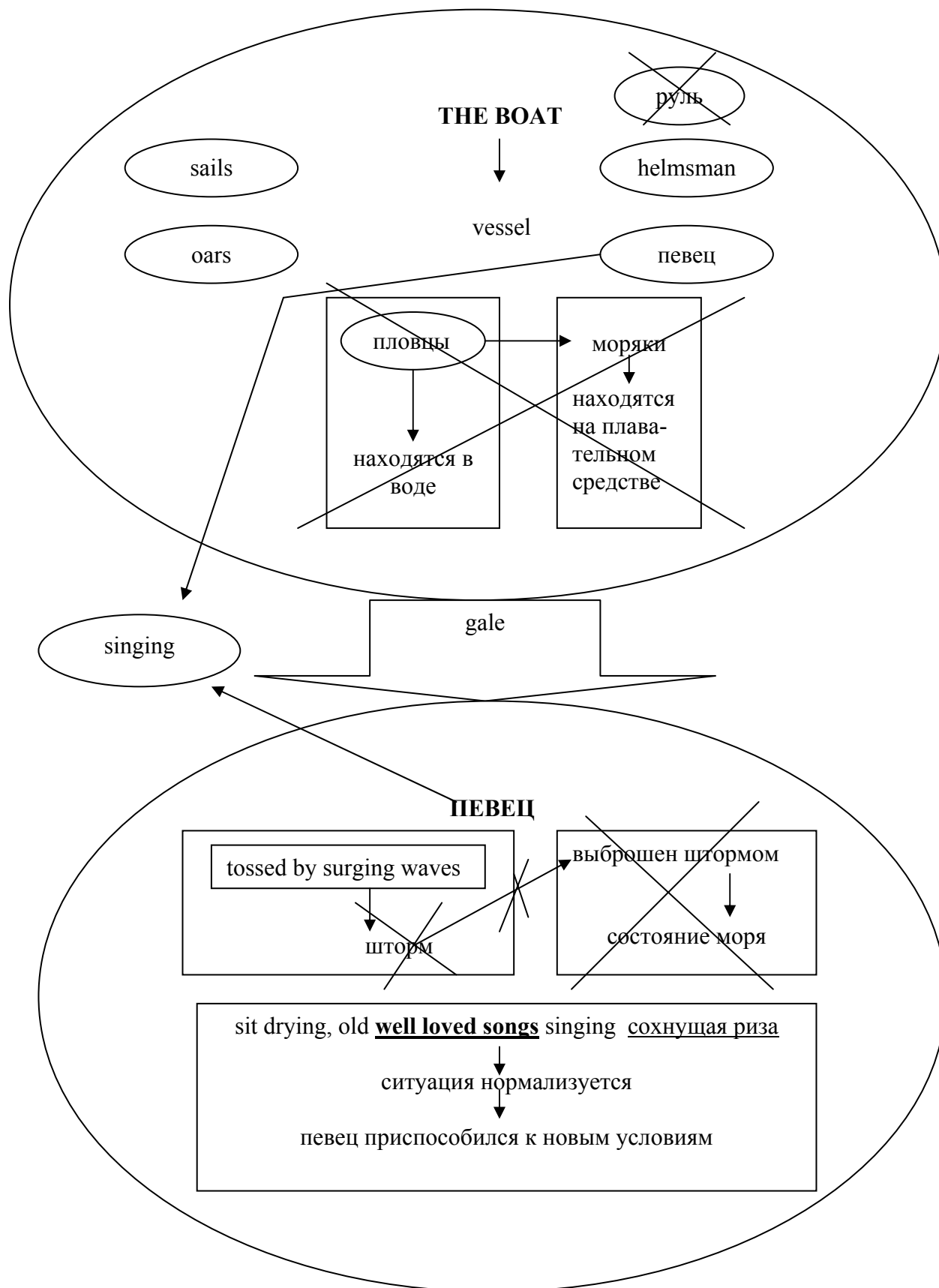

Схема 1.3 «Арион» в переводе И. Железновой.

Третий шаг – по результатам измерения выводятся два показателя, которые могут характеризовать перевод в целом: показатель точности – доля точно воспроизведённых слов от общего числа слов подстрочника; и показатель вольности – доля произвольно добавленных слов от общего числа слов перевода.

Автор не учёл одного: к какой категории причислять замены однокоренными и разнокоренными синонимами, которые в чистом виде не вписываются ни в «точности», ни в «вольности». Данный способ анализа не учитывает комбинаторности слов и их фразовых значений. Сам анализ такого рода весьма громоздок и отнимает массу времени. Помимо этого, сложность заключается в объективном составлении подстрочного перевода – стихотворная речь А.С. Пушкина может иметь немало разночтений.

Тем не менее, пользуясь этим методом (назовём адаптированный нами метод подстрочника **методом показателей**), можно высчитать процентную точность передачи любой части или фигуры речи. Поскольку объектом нашего исследования является метонимия, а именно, то, как она передаётся при переводе, есть возможность выявить слова или словосочетания, которыми она выражена, и, сопоставив оригинал с его интерпретациями на переводящем языке, получить коэффициент точности и неточности перевода, на этот раз метонимии.

Таблица 5.1 позволит нам сопоставить варианты перевода метонимий, прослеженных нами в оригинале.

Таблица 1

E. Bonver	D.M. Thomas	Irina Zheleznova	Оригинал
<i>Some framed a sail</i> (+)	<i>A few of us drew fast the sheeting</i> (+)	<i>Some held the sails aloft and flying,</i> (-)	иные парус напругали
<i>The others strongly and together Moved oars.</i> (-)	<i>The rest with mighty oar were beating The brine;</i> (+)	<i>Some plied the oars, and thus, <u>defying</u>, The wayward winds, kept us afloat.</i> (-)	другие мощны веслы упирали
<i>The skipper drove</i> (+)	<i>Our skillful helmsman clasped the rudder To guide the vessel's thrust,</i> (-)	<i>Our helmsman steered the vessel</i> (+)	кормщик правил
<i>the heavy skiff</i> (+)	<i>the vessel</i> (-)	<i>the vessel, loaded Full as she was,</i> (-)	грузный челн
<i>All dead – the captain and his guard</i> (-)	<i>And crew and helmsman, all were lost!</i> (+)	<i>All were lost</i> (-)	погиб и кормщик и пловец
<i>Was thrown to the shore alone</i> (-)	<i>tossed Upon the coast by seas in torment</i> (+)	<i>But I who <u>out the deep</u> was tossed By surging waves; my body flinging</i>	на берег выброшен грозою

		<i>On to the sands, they fled... (-)</i>	
<i>the former anthems (+)</i>	<i>my anthems as before (+)</i>	<i>my Old, well loved songs (-)</i>	Гимны прежние
<i>my mantle (+)</i>	<i>my sodden garment (-)</i>	-----	риза
5 из 8	5 из 8	1 из 8	ИТОГО

Как мы видим, наименее адекватно метонимии переданы в варианте Ирины Железновой. У двух других переводчиков показатели одинаковы.

На основе теорий, обзор которых был дан в предыдущих главах, можно составить таблицу, которая отражала бы ряд параметров, применимых к тексту на наличие или отсутствие тех или иных соответствий. В нашем случае – параметры являются компонентами, составляющими метонимию. Такой метод можно назвать **параметровым** или **методом соответствий**. Анализ будет проводиться по следующим параметрам:

- 1) информационное соответствие (по Гальперину);
- 2) структурное соответствие (по Лотману, Гаспарову);
- 3) когнитивное/образное соответствие (Лакофф, Лосев);
- 4) семантическое соответствие (по Апресяну) – подбор лексем;
- 5) прагматическое соответствие (Серль, Остин, Грайс);
- 6) сумма соответствий.

Проведём параметровый анализ на предмет разного рода соответствий. Единственная сложность заключается в небольшом размере стихотворения и в невозможности поделить его на строфы, что вынуждает нас рассматривать его построчно.

Таблица 2

	E. Bonver	D.M. Thomas	I. Zheleznova
информационное соответствие	12 (+); 3 (-)	11 (+); 4 (-)	8 (+); 7 (-)
структурное соответствие	+	+	+
когнитивное (образное) соответствие	12 (+); 3 (-)	11 (+); 4 (-)	8 (+); 7 (-)
семантическое соответствие	11 (+); 4 (-)	11 (+); 4 (-)	8 (+); 7 (-)
прагматическое соответствие	12 (+); 3 (-)	11 (+); 4 (-)	8 (+); 7 (-)
сумма соответствий	48 (+); 16 (-)	45 (+); 19 (-)	33 (+); 28(-)

Следует отметить полное структурное соответствие у всех переводчиков, если понимать под ним рифму и размер, поэтому всем вариантам можно поставить по обобщающему плюсу. Сумма соответствий таблицы 5.2 даёт нам практически те же результаты: самый неадекватный перевод – у И. Железновой.

В результате проведённого анализа мы установили, что при переводе метонимии без учёта её прагматической роли происходит искажение смысла, что приводит к неадекватности перевода, причём перевод с высоким коэффициентом точности не всегда является прагматически адекватным. Достоверная передача метонимии в поэзии А.С.Пушкина обеспечивается передачей ключевых слов и выражений с исходного языка на переводящий, от чего напрямую зависит степень прагматической адекватности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

«К проблеме структурной организации поэтической речи Эмили Дикинсон» (в соавторстве с Е.Н. Кисловской (электронный журнал ФРГФ Language and Literature www.utmn.ru/frgf/journal/No2/);

«Способы перевода метонимии» (электронный журнал ФРГФ Language and Literature www.utmn.ru/frgf/journal/No17/);

«Многоликий «Пророк»» (электронный журнал ФРГФ Language and Literature www.utmn.ru/frgf/journal/No19/);

«Культура речи профессионала и корпоративная культура» (в соавторстве с О.Д. Княгницкой)//Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2003. – с. 498-502;

«О методе прагматической парадигмы» (электронный журнал ФРГФ Language and Literature www.utmn.ru/frgf/journal/No21/).